

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Ветюговой Ю.С. «Самоопределение философии в современной культуре», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры (философские науки)

Прежде всего отметим актуальность темы диссертационного исследования Ветюговой Юлии Сергеевны как в теоретическом аспекте (в связи с чем весьма точной представляется характеристика, данная Х. Ортега-и-Гассетом со ссылкой на Аристотеля, философии как «науки, которая себя ищет»), так и в практическом, т.е. в плане её институализации в российском обществе в целом и образовании в частности. Действительно, современная мировоззренческая острота вопроса, который, по словам диссертанта, «вынуждена решать философия снова и снова, а именно своего самоопределения в культуре» (с. 3), соответствует «остроте» «Дамоклова меча», «висящего» над философией в аспекте её сохранения в системе российского образования. Поэтому неудивительно ежегодное появление большого количества статей, монографий и диссертаций, посвященных этой проблематике – несмотря на что сохраняется возможность и потребность для поиска новых способов «соотносить себя с культурой, давать философское определение ее феноменам и ценностям, обосновывать саму возможность ее существования» (с. 3). Логику диссертационного исследования Юлии Сергеевны Ветюговой показывают уже названия глав и параграфов: в первой главе «Самоопределение философии в культуре: от классики к неклассической философии» философская пропедевтика в классический период, который был «ознаменован верой в господство разума и свободы, которые неразрывно связаны между собой» (с. 11), рассматривается в первом параграфе «И. Кант и Г. Гегель о проблемах философии в культуре». Соответственно, то обстоятельство, что разработанное этими мыслителями «самоопределение философии перестало соответствовать ... культурным реалиям» (с. 28) (иначе говоря, переход от классической философии к неклассической был «ознаменован новым самоопределением философии в культуре как таковой» (с. 29)), рассматривается во втором параграфе – «Философия в контексте культуры в неклассической парадигме Ф. Ницше». Выбор именно этих фигур для демонстрации различия между самоопределением классической и неклассической философии можно признать удачным, сославшись, например, на критику указанных немецких классических философов со стороны Р. Рорти и Ю. Хабермаса, которые, по словам диссертанта, обосновывали тезис о том,

«что философия не должна находиться выше остальных наук и занимать привилегированное положение» (с. 77). В частности, Р. Рорти указывал, что именно к И. Канту восходят претензии философии на анализ основ познания как такового (Рорти Р. Философия и зеркало природы // Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. С. 2-292, С. 99). Схожим образом и Ю. Хабермас указывал, что «Кант приобрел дурную славу «учителя мысли», поскольку ... по-новому и притом весьма претенциозным способом определил ... призвание философии» (Хабермас Ю. Философия как «местоблюститель» и «интерпретатор» // Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001. С. 7-33, С. 8), заключающее в следующем: «если философия считает себя способной на познание до познания, то она полагает между собой и науками сферу своих собственных владений и благодаря ей осуществляет функции господства» (там же). Схожие оценки имеют место и в отношении Г. В. Ф. Гегеля – тот же Ю. Хабермас писал: «Учителя мысли стяжали себе дурную славу. Уже с давних пор это справедливо для Гегеля» (указ. соч., С. 7). Схожую оценку находим и у К. Поппера (второй том «Открытого общества...» так и называется – «Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы»), идеям которого в диссертации также уделяется достаточно внимание. Всё это позволяет согласиться с диссертантом как в том, что «философия в классический период приобретает характеристики «судьи», «цензора», «транслятора» культуры и определяется как воплощенный идеал культуры разума» (с. 7), причём «ролью судьи философию отчасти наделили еще И. Кант и Г. Гегель» (с. 77), так и в том, что именно разработанные ими варианты философской пропедевтики были главной мишенью критиков претензии философов на «судейскую мантию». Что же касается Ф. Ницше, то рассмотрение неклассического варианта самоопределения философии на его примере тоже представляется обоснованным и необходимым. Следует отметить, что концептуальное изложение идей Ф. Ницше – это всегда достаточно сложная задача, и хотя диссертант в целом с ней справился вполне достойно, хотелось бы заметить, что Юлия Сергеевна здесь, как и везде, старается избегать четкого определения понятий, либо, делая это, стремится к предельно широкому. Например, она пишет: «сутью философской концепции Ф. Ницше, М. Хайдеггер видит нигилизм, который заключается в следующих положениях: «переоценка всех ценностей», «воля к власти», «вечное возвращение», «сверхчеловек»» (с. 41) Почему бы не просто дать то определение нигилизма как фундаментального процесса западной истории, которое М. Хайдеггер резюмирует у Ницше? Также нигде нет четкого указания

на то, в чём же именно – согласно мысли этих двух немецких философов – состоит сущность той «переоценки ценностей», который совершает нигилизм. В качестве позитивного момента следует отметить богатый комментаторский план, в который выходит диссертант, излагая идеи Ф. Ницше, однако излагая отношение к философии последнего со стороны К. Ясперса, М. Хайдеггера и Ж. Делёза, Ю. С. Ветюгова не сопоставляет это отношение между собой, не выделяет разницу в их подходах. К сожалению, недостаток аналитичности наблюдается и при обращении диссертанта к отечественным комментаторам Ф. Ницше. Справедливо утверждается, что они осуществляют «особый анализ философских работ Ф. Ницше» (с. 43), однако этот тезис так и не раскрывается: в чем же именно заключается эта «особость»? Вместо этого – отрывочные цитаты из двух авторов (причем приведено толкование Ницше Н. В. (sic!) Фёдоровым – очень сомнительное и граничащее с искажением и непониманием немецкого философа). Очень жаль, что диссертант не обратился к тому прекрасному комментаторскому пласту Ницше в отечественной философии, который есть у Л. Шестова, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова и многих других! Думается, к идеям Ф. Ницше у российских мыслителей был особый интерес, не в последнюю очередь благодаря резонированию идей последнего с творчеством Ф. М. Достоевского. Не будет большим преувеличением сказать, что не только последнего, но и Ф. Ницше можно назвать предтечами русского экзистенциализма.

Вторая глава – «Самоопределение философии и современная культура» – начинается с параграфа «Проблема «преодоления» и трансформации философии в культуре», что представляется вполне обоснованным, поскольку современные процессы, фиксируемые в этом параграфе под названиями «преодоления» философии, или её «кризиса», «смерти», «конца», «отмены», действительно, нельзя не учитывать в первую очередь, определяя сегодняшнее место философии в культуре. Ю. С. Ветюгова демонстрирует эти тенденции, анализируя концепции П. Фейерабенда, К. Поппера, Р. Рорти, М. Хайдеггера, Э. Фромма, Ж. – Ф. Лиотара, Ж. Деррида и др., но в первую очередь указывает на постмодернизм как их главный источник: «постмодернистскую философию называют кризисом философии вообще, и связываю этот кризис с кризисом постмодернистской культуры» (с. 64). В связи с этим уместно привести схожие оценки В. М. Межуева, согласно которому «постмодернистская философия может быть названа антифилософией или контрфилософией и, очевидно, в форме такого самоотрицания философия только и может существовать в наше время» (Межуев, В. М. Выступление на заседании клуба «Свободное слово» //

Свободное слово. Интеллектуальная хроника событий. Альманах 2002. – М. : Прогресс–традиция, 2003. – 380 с. С. 254), а также В. Н. Поруса, согласно которому о состоянии «посткультуры» (понятие которой близко «антикультуре») свидетельствует в т.ч. и снижение авторитета философии в современном обществе, в связи с чем популярной формой существования философии становится самоотрицание (Порус, В. Н. В. С. Соловьев и современная философия // Соловьевские исследования. Периодический сборник научных трудов. Выпуск № 1 (8). Иваново: ИГЭУ, – 2004. – С. 21-32. С. 23). Кроме того, значительная доля ответственности возлагается Юлией Сергеевной на технику, «обслуживающую» потребительскую культуру: «и если раньше природу и дух сводили к вопросам культуры, то в современности техника стала отождествляться с природой и духом, что в перспективе может поставить вопрос не только о «преодолении» философии, но и о «преодолении» культуры» (с. 62). В итоге диссертант приходит к представляющемуся интересным в своей парадоксальности тезису: «постанова вопроса о смерти философии обрекает отвечающего на философствование, поэтому этот вопрос неразрешим» (с. 63). В связи с тем, что «своеобразные проекты оправдания философии в культуре предлагались с того самого момента как возникла идея о ее смерти» (с. 69), рассмотренный параграф вполне логично подводит нас к следующему – «Оправдание бытия философии в современной культуре». Отмечая, что в современной европейской философской мысли не так много оправдывающих существование философии концепций (с. 69), Ю. С. Ветюгова выбирает для подробного рассмотрения три из них: К. Поппера, Ю. Хабермаса и А. Бадью. Выбор первой из этих фигур вызывает определённые вопросы – ведь в предыдущем параграфе критика классической философской традиции П. Фейерабендом и Р. Рорти сопоставляется именно с аналогичной критикой К. Поппером (соответственно, с. 47, с. 51, и с. 53). В завершении же второго параграфа второй главы диссертант так подводит итог рассмотрения концепции К. Поппера в *качестве варианта оправдания философии*: «К. Поппер говорит о том, что философия, при всей своей элитарности и лжепророчестве еще способна на любовь к истине, на решение актуальных и серьезных проблем бытия» (с. 90). (При этом надо учитывать, что первая характеристика в устах К. Поппера имеет негативный смысл, т.к., согласно нему, «величайшая ошибка», идущая ещё от Платона – «отождествление философии и философа с понятием «элитарного», что закрепилось в западной культурной традиции» (с. 73). Причём далее диссертант справедливо замечает, что «доводов против элитарности философии К. Поппер не приводит, его здесь интересует только

момент последующего тщеславия философов» (с. 74)). На этом фоне возникает вопрос относительно вывода Юлии Сергеевны о том, что, согласно К. Попперу, «любовь философии к истине проявляется в ее вдумчивости и профессионализме, что помогает ей различать важность истинного, а так же разоблачать лживое» (с. 90), и «Несмотря на вину, философия должна существовать. ... Каждый человек обладает своей собственной философией на обыденном уровне. Но для того чтобы выполнять свою главную задачу в культуре, а именно решение актуальных и серьезных проблем бытия, философия из обыденной должна переродиться в академическую, обладающую вдумчивостью (sic!) и профессионализмом» (с. 75). Соответственно, возникает вопрос о том, как на этом пути философия сможет избежать «элитарности» и «(лже)пророчеств»? Выбор же двух других авторов проектов оправдания философии – Ю. Хабермаса и А. Бадью – представляется весьма удачным. Первый из них – подытоживает Ю. С. Ветюгова рассмотрение его идей – «отмечает, что существование философии в мантии судьи имело место. Но это позволяло философии создавать границы между наукой, моралью и религией, то есть разграничивать все сферы культуры» (с. 90). И хотя то «господство» философии над наукой, моралью и искусством, которое осуществляла философия в «мантии судьи» (с. 77) – в чём диссертант солидарен с Ю. Хабермасом – сегодня необоснованно, тем не менее Ю. С. Ветюгова справедливо утверждает, что «философия не просто посредник между сферами культуры, она должна быть местоблюстителем и интерпретатором важных универсальных теорий для человечества, в этом и проявляется ее разумность» (с. 113). В связи с этим уместно указать на мысль Ю. Хабермаса о том, что задача философа как «интерпретатора-посредника» – ответить на вопрос, «каким же образом сферы науки, морали и искусства, заключенные ныне в оболочку экспертных культур, могут раскрыться и, не нарушая при этом самобытной рациональности этих сфер, ... подключиться к оскудевшим традициям жизненного мира» (Хабермас Ю. Указ. соч. С. 32). Иначе говоря, пропедевтическая позиция Ю. Хабермаса представляется сегодня востребованной потому, что именно его можно назвать одним из последовательнейших защитников проекта модерна (в который, как он считает, необходимо «встроить» такую его утраченную часть, как «моральное действие»). Не менее актуальными в этом отношении нам представляются и идеи А. Бадью, который в своем «Манифесте философии» выступает за изменение форм самовыражения философии по причине и в соответствии с изменением культуры (в первую очередь имеется виду экспансия капитализма)

и намечает свой выход из ситуации посмодерна как кризиса и даже смерти философии в поэзию, переключаясь с философией М. Хайдеггера. В то же время не может не вызвать вопросов последнее предложение этого параграфа: «С соблюдением вышеуказанных правил философия вернет себе позицию концептуального ориентира, что позволит ей конкурировать с капитализмом» (с. 91) – как именно диссертант представляет этот процесс? Таким образом, в концепциях К. Поппера, Ю. Хабермаса и А. Бадью рассмотрены различные подходы к оправданию бытия философии. В заключительном, третьем параграфе второй главы – «Специфика философского мировоззрения и культурная практика в отечественной философии» – рассматриваются отечественные традиции самоопределения философии. К сожалению, данный параграф более других страдает реферативностью. Несмотря на сделанное в самом начале заявление («Рассмотрение данной проблемы в отечественной философии обусловлено специфичностью отечественного философского поля, оттого и взгляд на эту проблему особенный» (с. 92)), Юлия Сергеевна не раскрывает тезис о «специфике отечественного философского поля», сразу переходя к обсуждению вопроса о научности философии на материале советского периода. В последующем изложении мы также не видим указаний на обусловленность специфики российской философии особенностями отечественной культуры. Несмотря на то, что диссертант излагает концепции достаточно широкого круга авторов, остается непонятным (не обоснованным в рамках исследования) принцип отбора имен, в частности – почему он ограничился только советским и пост-советским периодом и оставил «за бортом» таких классических русских мыслителей, как В. С. Соловьев, работа которого «Исторические дела философии» посвящена как раз обсуждаемой тематике.

Справедливо указывая, что «при постановке вопроса о научности философии важно понимать, что есть наука» (с. 92), Юлия Сергеевна, излагая позицию Т. И. Ойзермана, приводит такое определение последней: «в своем основании наука – это систематическое, специализированное исследование в определенной области, с применением понятий, методов и т. д.» (с. 92), откуда следует вывод: «в данном случае, философию можно назвать наукой» (с. 92). Признавая ценность сциентистского варианта самоопределения философии в принципе, тем не менее, укажем, что приведенное диссертантом обоснование тезиса о том, что «философию можно назвать наукой», опирается на слишком расширительную трактовку науки, в результате чего под это определение подходят, например, и различные типы околонучного знания. Однако

представляется возможным согласиться с тезисом диссертанта о том, что «в настоящий момент нельзя провести четкую границу научного и ненаучного в философии, так как эта граница зависит от типа философского мировоззрения» (с. 93). Проводящееся далее сопоставление идей М. К. Мамардашвили и К. Поппера можно оценить как корректное и уместное – с учётом предыдущего подробного анализа воззрений последнего. Рассмотрение проблемы того, что «рациональности, как составляющей части философии, многое угрожает» (с. 101) на стр. 101-103 представляется наиболее важным в этом параграфе, поскольку тема рациональности является одним из фундаментальных и вечных философских вопросов. Соглашаясь в принципе с диссертантом в том, что «философия всегда была главным вместилищем рационализма, но в современной философии есть тенденция отказа от рациональности, что разводит в своих основаниях философию и разум» (с. 103), укажем, что понятия «рациональность», «рациональное» и «рационализм» употребляются как синонимы, так что непонятно о чём именно идёт речь. В заключение параграфа хотелось бы увидеть не просто обобщение изложенных концепций, но и сопоставление полученных выводов с соответствующими решениями в современной западноевропейской философии, но диссертант почему-то не даёт такого сравнительного анализа, хотя потребность в нем очевидна.

Завершая отзыв, хотелось бы отметить несомненную философскую эрудицию автора исследования, свободное владение первоисточниками – как классическими, так и современными. Однако хотелось бы указать на один существенный недостаток работы – реферативность изложения. Ю. С. Ветюгова обращается к мэтрам философии не в контексте выстраивания собственной концепции, а лишь следуя за чужими концепциями, временами сбиваясь на чистую описательность в стиле «а вот еще один философ сказал...». Иногда может возникнуть впечатление, будто диссертант вообще не имеет своей концепции культуры, современности, философии, либо аскетически ограничивает свою мысль. В других обобщениях высказываний и концепций мэтров философии иногда проскальзывает позиция и самого диссертанта, но крайне тезисно, без развернутого понятийного аппарата. Например, в конце параграфа об отечественной философии есть такое утверждение: «Кризис современной философии кроется в отказе от социального служения, этим философия фактически отказалась от самой себя и способствовала своему вытеснению с роли «судьи» науки и религии. Она должна вернуть свое место в образовании, иначе ее место уже сегодня в мировоззрении займут фундаменталистские течения» (с. 109). Это не может не вызвать вопроса – что

же имеется ввиду? И почему, например, именно «фундаменталистские течения», а не «релятивистские» – например, подробно рассмотренные постмодернистские? Также порождает «вопросы без ответа» (т.е. требует обоснования и развертывания) и весьма интересный тезис, которым завершается диссертация: «Современная культура никогда не сможет вытеснить философию из своего поля, несмотря на свою капитализацию и технологизацию, в соответствии со своими принципами плюрализма и демократизации. Если это произойдет, наступит уже совсем иная эпоха, которая будет носить уже совсем другое название, нежели прежняя. Поэтому только философия способна на уход из культуры: это будет ее собственный выбор, возможно, и обусловленный культурой» (с. 114). Насколько мы понимаем, автор сознательно ограничил себя реферативными задачами: постарался обобщить все имеющиеся наработки в философии, максимально элиминируя свою субъективность, свое отношение к рассматриваемым идеям, не развивая свою собственную концепцию. Однако такое самоограничение нам видится сомнительным, как минимум, по двум основаниям:

1. Любой текст может быть в полной мере понят лишь с учетом контекста, в нашем случае – социокультурного контекста философских идей. Отсутствие этого контекста при рассмотрении как западноевропейской, так и отечественной философии явно обедняет изложенные концепции и значимость сделанных по ним обобщений. Собственно, и сама главная проблема остается не до конца понятной в своей актуальности вне такого рассмотрения. Соответственно, хотелось бы более подробно увидеть авторское понимание этого социокультурного контекста.
2. Программа самоограничения авторской позиции, то есть программа строгого объективизма фактически не выполнима. Уже в рамках развития позитивистской философии, стала очевидной утопичность намерений «остаться при факте». Мы согласны с постпозитивизмом в его убеждении, что не существует «теоретически ненагруженных фактов». Так и диссертант не мог не проявить своей позиции уже в самом выборе имен для анализа, а тем более в обобщениях и в сопоставлениях. Ю. С. Ветюгова периодически «вынуждена проговариваться»: обнаруживать свою концепцию и свое собственное понимание рассматриваемых проблем (например, уже во введении становится очевидной сциентистская приверженность автора в понимании сущности философии). Однако было бы гораздо продуктивней, если бы Юлия Сергеевна «не прятала» свою концепцию, а полностью развернула её, в том числе – дав определение основных понятий. Так, например, осталось без строго

понятийного определения даже основное понятие диссертационного исследования – «самоопределение». О его содержании приходится лишь догадываться из контекста диссертации, когда Ю. С. Ветюгова обсуждает то функции философии, то ее сущность, то ее природу, то ее предмет. Нет понятийного определения «самоопределения философии» даже при подведении итогов исследования в «заключении». Не исследовано само понятие культура: прежде чем говорить о современной культуре, надо было хотя бы кратко выразить собственную позицию – что есть культура как таковая.

Несмотря на указанные недостатки, диссертация является полным и законченным научным исследованием. Она соответствует требованиям пунктов 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Автор диссертационного исследования Ветюгова Юлия Сергеевна заслуживает присвоения искомой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры (философские науки).

ФГБОУ ВПО «Омский государственный
технический университет»,
кандидат философских наук,
доцент кафедры «Философия
и социальные коммуникации»

Макухин Петр Геннадьевич